

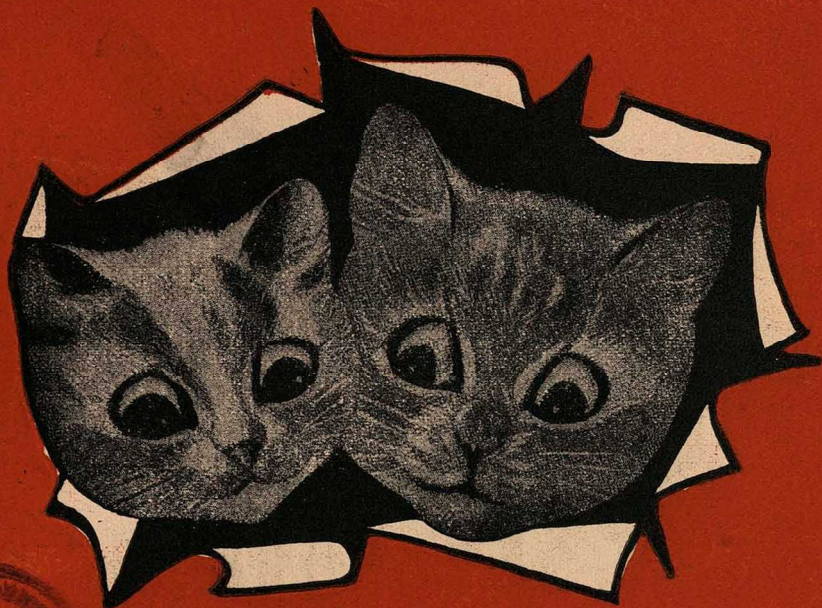
Ученнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотени городскихъ училищъ.

Годъ изданія четвертый.

АПРѢЛЬ.

№ 11.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИШЛА ВЕСНА.

БОБКА (исторія трехно-
гой собаки).

АПРѢЛЬ.

МѢТКА „Е. И.“.

НА ЗАДНЕМЪ ДВОРѢ.

ГОЛОВОЛОМКИ и проч.

РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Прыгунчики.

„Въ тепломъ гнѣздышкѣ“—
листь 7-й.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

— А я здѣсь!

ПРИШЛА ВЕСНА.

Пришла весна... Растаялъ ледъ,
И птички весело запѣли,
Но громче всѣхъ скворецъ поётъ
Ужъ цѣлыхъ двѣ недѣли.

И на вѣтвяхъ веселый дроздъ
Рулады звонкія выводитъ.
Уже апрѣль... Великій постъ
Совсѣмъ къ концу подходитъ.

Мычатъ стада и вдалькѣ [рѣли.
Ужъ слышенъ томный звукъ сви-
Тепло настало. Въ парникѣ
Огурчики поспѣли.

И на обѣдъ принесена
Ужъ съ грядки первая редиска...
Пришла весна, пришла весна,
Теперь и Пасха близко!

Ирисъ.

Б О Б К А.

(Исторія трехногой собаки).

Я и Бобъ были большими друзьями. Я—человѣкъ, а Бобъ—старая собака. Судя по карточкѣ, уцѣлѣвшей съ того времени, я былъ очень миловиднымъ мальчикомъ: у меня были бѣлокурые курчавые волосы, голубые искренніе глаза и пухленькія щеки. Одѣтъ я былъ въ черный бархатный костюмъ съ бѣлымъ кружевнымъ воротникомъ. Наоборотъ,—длинная, желтоватая, лохматая шерсть собаки, ея беззубый ротъ, впалые бока и отрѣзанная почти на половину лапа придавали ей убогой и жалкій видъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко трогали всю нашу дворню. Я и собака были полной противоположностью другъ другу по внѣшнему виду, но оба были всегда веселы и нѣжны между собой и каждый, кто

увидѣлъ-бы насъ вмѣстѣ, могъ-бы съ увѣренностью сказать, что мы отлично понимали одинъ другого.

Мой отецъ былъ богатый помещикъ. У насъ была большая усадьба и обширные лѣса; хозяинъ-же Боба былъ сторожемъ въ этихъ лѣсахъ и жилъ въ маленькой избушкѣ, недалеко отъ усадьбы. Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, съ сѣдыми нависшимъ бровями и съ большимъ носомъ и длинными торчавшими усами. Онъ былъ еще севастопольскій солдатъ, имѣлъ чинъ унтеръ-офицера, былъ безродный и занялъ мѣсто лѣсника только потому, что въ отставку ему некуда было дѣваться, и потому еще, что въ этой должнсти онъ могъ всегда носить при себѣ ружье,

къ которому привыкъ за долгіе годы своей солдатской жизни.

Его постоянно звали „Служивый“ и онъ самъ такъ привыкъ къ этому прозвищу, что, казалось, и самъ позабылъ свое настоящее имя.

По воскресеньямъ я навѣщалъ его, вооружался палкой и старый служака училъ меня солдатскимъ приемамъ, показывая, какъ нужно брать ружье на перевѣсъ или отдавать имъ генералу честь. Служивый рассказывалъ мнѣ про битвы, въ которыхъ ему приходилось участвовать въ Крыму, а Бобъ между тѣмъ лежалъ у моихъ ногъ и дремалъ. Затаивъ дыханіе, я слушалъ рассказъ старика и старался не проронить изъ него ни единого слова. Я мысленно совершалъ при этомъ путешествія въ Крымъ и на Кавказъ, гдѣ сражался Служивый, и участвовалъ въ тѣхъ сраженіяхъ, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ.

Однажды изъ сосѣдняго имѣнія ко мнѣ приѣхалъ мой товарищъ Александръ. Онъ былъ нѣсколькими мѣсяцами старше меня, но насъ считали однолѣтками, и мы часто бывали другъ у друга. Помню, послѣ завтрака мы отправились съ нимъ гулять. Когда мы приближались къ избушкѣ нашего лѣсника, то, завидѣвъ меня, трехногій Бобка бросился ко мнѣ съ быстротою всѣхъ своихъ трехъ лапъ и сталъ тереться около меня и радостно скулить.

— Пошла прочь! крикнулъ на него Александръ.— Этакая гадость! Какая противная собака!

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего пріятеля и ласково потрепалъ собаку по шеѣ.

— Ну, ну... сказалъ я,— иди спать! Послѣ приласкаешься!

Собака завиляла хвостомъ.

— Толкни ее хорошенько ногой! посоветовалъ Александръ.— Тогда она уйдетъ скорѣе!

Но въ эту минуту позади насъ вдругъ раздался голосъ Служиваго:

— Толкнуть ногой?! закричалъ онъ.— Это Бобку-то толкнуть ногой?

Мы обернулись и увидѣли позади себя старика, который, не смотря на свой строгій голосъ, ласково посматривалъ на собаку и на насъ.

— Развѣ можно такого почтеннаго пса толкать? продолжалъ онъ.— Да вы знаете-ли, что это за собака? Вѣдь это не собака, а герой!

— Чѣмъ-же она герой? спросилъ смутившійся Александръ.

— Она была вмѣстѣ со мной на войнѣ.

— Ужъ не спасла-ли она тебѣ жизнь?

Старикъ задумчиво покачалъ головой.

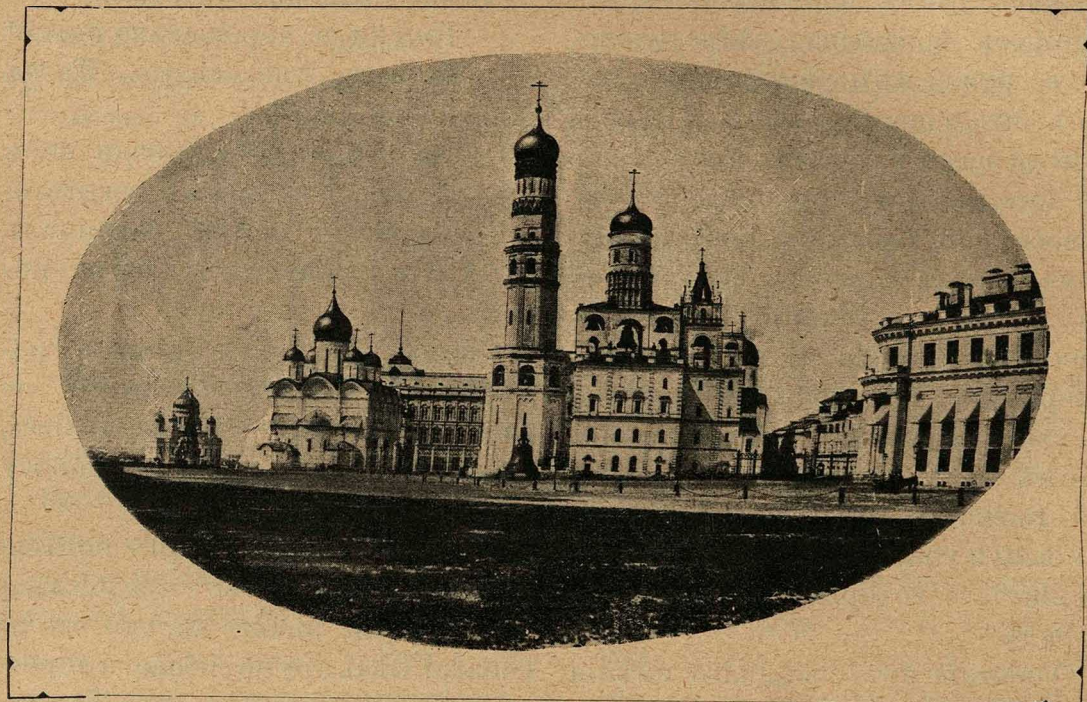
— Она сдѣлала еще больше, важно отвѣтилъ онъ.— Она спасла мнѣ честь!

Мы съ удивленіемъ поглядѣли другъ на друга.

— Да, началъ свой разсказъ старый служака.—Въ моей солдатской жизни было одинъ разъ такое приключеніе, котораго я не забуду по гробъ своей жизни. Я никогда ничего не боялся, смѣло шелъ на враговъ, а тутъ, какъ на грѣхъ, взялъ да и испугался. Испу-

ногъ, а мы, мальчишки, усѣлись у солдата по сторонамъ.

— Это случилось на Кавказѣ, началъ свою повѣсть старикъ,— когда мы завоевывали его у черкесовъ. Я былъ въ то время уже унтеръ-офицеромъ и въ небольшомъ отрядѣ, человекъ въ сто,

Кремль въ Москвѣ.

гался такъ, что помутился у меня умъ. И если-бы тогда не помогъ мнѣ прійти въ себя вотъ этотъ самый Бобъ, то я не простилъ-бы себя никогда. Но пойдѣте къ избѣ. Тамъ я сяду и разскажу вамъ все по порядку.

Служивый глубоко вздохнулъ и мы отправились всѣ вмѣстѣ къ его избѣ. Онъ тамъ сѣлъ на скамеечку у воротъ, Бобъ примостился у его

которымъ командовалъ нашъ поручикъ, Пospѣловъ, дай Богъ ему царствіе небесное, долженъ былъ принять участіе въ дѣлѣ. Я служилъ еще въ Крымской войнѣ, сражался подъ Севастополемъ и тогда еще считался старымъ солдатомъ и потому мнѣ стыдно было бояться огня. Бобка былъ тогда еще молодой и расторопный, не то, что теперь; онъ принадлежалъ

тогда поручику Поспѣлову, который въ томъ-же дѣлѣ и убить,—и его собака послѣ него досталась мнѣ.

Однажды вечеромъ, когда была сильная гроза, такъ что, казалось, гудѣли всѣ горы, пришло извѣстiе, что черкесы подбираются къ нашему лагерю и засѣли уже въ ближайшихъ кустахъ. Полковникъ отрядилъ насъ на разслѣдованiе, дѣйствительно-ли это такъ? Мы вышли. Помню, гроза была такая, что неслышно было голоса человѣческаго, и такъ было темно, что ничего не было видно даже и въ двухъ шагахъ. Когда мы дошли до мѣста, то поручикъ Поспѣловъ сказалъ мнѣ:—„Корешковъ, ска- залъ онъ,—возьми, говоритъ, восемь человѣкъ, которые похрабрѣе, и пойдемъ, говоритъ, со мной впередъ“! Я отобралъ восьмерыхъ, которые были самые отчаянные и сорви-головы, и мы отправились въ путь. Впереди насъ шелъ нашъ поручикъ, а мы слѣдовали за нимъ. Бобка тоже отправился вмѣстѣ съ нами. Шли мы такъ съ добрыхъ четверть часа. Какъ вдругъ поручикъ остановился, выждалъ, когда сверкнула молнiя и освѣтила всѣ горы, такъ что все стало видно, какъ на ладони, и сказалъ:

— „Корешковъ, ты видишь эти кусты?“ — „Такъ точно, ваше благородiе, — говорю, — вижу!“ — „Ну, такъ вотъ тамъ именно и засѣли черкесы!“ говоритъ онъ.—„Теперь намъ нужно подползти къ нимъ

поближе и узнать, хватитъ-ли нашего отряда въ сто человѣкъ, чтобы выбить ихъ изъ кустовъ?“ — „Радъ стараться, ваше благородiе!“ отвѣчаю я.

И стали мы ползкомъ подбираться къ кустамъ. Мы должны были ползти такъ, чтобы насъ не замѣтили черкесы, и намъ запрещено было даже разговаривать между собою шепотомъ. Какъ вдругъ раздался лай собаки. Нашъ Бобка зачужалъ чужихъ, залаялъ и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать къ подозрительнымъ кустамъ.

— Сядь здѣсь! — сказалъ онъ.

— „Бобка! Назадъ! закричалъ на него поручикъ. И, чтобы удержать его, онъ быстро снялъ съ себя пальто и кинулъ его на землю.—„Сядь здѣсь! сказалъ онъ.—

Стереги!“ Бобка сѣлъ на его пальто и уже больше не двигался съ мѣста.

Затѣмъ поручикъ продолжалъ шепотомъ отдавать намъ приказанія и мы тихонько поползли дальше.

Какъ вдругъ изъ кустовъ раздался выстрѣлъ. Мы были открыты и черкесы высыпали на насъ со всѣхъ сторонъ.

— „Дружно!“ скомандовалъ намъ поручикъ. — „Держись до послѣдней капли крови, пока не подоспѣютъ къ намъ на помощь наши“.

Мы сжались въ тѣсную кучку и приготовились къ смерти. Гремѣлъ громъ, затрещали выстрѣлы, засверкала молнія и то, что происходило потомъ, я не умѣю вамъ рассказать, потому что у меня остался въ памяти какой-то сумбуръ. Я никакъ не могу сообразить, была-ли то одна минута, или-же протекли цѣлые года. Мои восемь товарищей упали одинъ за другимъ отъ пуль непріятели. Поручикъ тоже схватился за бокъ и свалился, какъ подкошенная трава. Онъ тоже былъ убитъ. Между тѣмъ черкесы подходили все ближе и ближе и недалеко уже была та минута, когда-бы меня окружилъ со всѣхъ сторонъ огненный кругъ выстрѣловъ и желѣза. Вокругъ меня летали пули и жужжали, какъ жуки, каждую секунду я могъ-бы быть убитъ, но онѣ щадили меня, и теперь я былъ убѣжденъ, что попадусь къ нимъ въ плѣнъ живьемъ. Черкесы не церемонились со сво-

ими плѣнными, исторіи объ ужасной смерти тѣхъ, кто раньше попался имъ въ плѣнъ, пришли мнѣ на умъ, и мою душу охватилъ неизвѣстный мнѣ дотолѣ страхъ. Я испугался... Я затрясся отъ сильной дрожи. И, не размышляя больше ни о чемъ, а боясь только за одну свою шкуру, я бросилъ ружье и... побѣжалъ. Только что я успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ позади меня раздался лай. Я остановился и при свѣтѣ молніи увидалъ картину, которой не забуду никогда. Бобка, вѣрная собака, сидѣла на шинели съ прострѣленной лапой. У нея изъ раны струилась кровь, но она ревностно оберегала пальто, не обращая вниманія на боль, и во все горло лаяла на враговъ.

— „Бобка! закричалъ я. — Не выдавай!“

И во мнѣ произошла вдругъ рѣзкая перемена. Въ то время, какъ это раненое животное шло на встрѣчу смерти, чтобы только исполнить свой долгъ и сберечь порученное ему пальто, я—человѣкъ, солдатъ—и вдругъ осмѣлился бросить свой честный постъ, который мнѣ поручили, и собирался опозорить свое знамя и измѣнить родинѣ. И я поднялъ съ земли ружье, возвратился къ своему мѣсту и, одинъ противъ ста, сталъ отстрѣливаться отъ враговъ и выдерживать ихъ натискъ.

— „Держись, Бобка! закричалъ

я.—Мы должны побѣдить или умереть!”

Вдругъ вдалекѣ раздался радостный звукъ рожка. Да, да! Я слышалъ его среди адской стрѣльбы, я узналъ его. Это шли наши, чтобы насъ выручать. Еще двѣ или три минуты и они уже были около насъ и живою лавиной кинулись на враговъ. Неожидавшіе ихъ черкесы смутились, дрогнули и стали отступать назадъ. Для меня это было спасеніемъ. Бобка все еще сидѣлъ на шинели и не покинулъ своего поста до тѣхъ поръ, пока непріятель не былъ отбитъ со всѣхъ сторонъ и пока наши не одержали надъ черкесами полной побѣды. А затѣмъ онъ сошелъ съ шинели, заковылялъ на своихъ трехъ ногахъ и, отыскавъ въ травѣ трупъ своего хозяина, поднялъ кверху свою голову и горько завылъ. Я подошелъ къ нему, погладилъ его и—вѣрите ли?—поцѣловалъ его въ самую морду и прижалъ его къ своей груди. Затѣмъ я снесъ его на рукахъ въ нашъ лагерь, нашъ военный лекарь отрѣзалъ ему обрывки ноги, перевязалъ ее и съ тѣхъ поръ Бобка ходитъ только на трехъ ногахъ. И теперь, спустя уже двѣнадцать лѣтъ послѣ того случая, глядя на эту собаку, я не могу не

вспомнить о томъ, что когда-то она показала мнѣ доблестный примѣръ.

Служивый потрепалъ Бобку по спинѣ и замолчалъ. Съ его глазъ скатилась слеза и затерялась у него въ густыхъ взъерошенныхъ усахъ. Затѣмъ онъ долго смотрѣлъ, не мигая, въ пространство и намъ казалось, что передъ его глазами проходила вся его жизнь, полная опасностей и боевыхъ тревогъ. Затѣмъ онъ поднялся, взялъ ружье и весело кивнулъ намъ головой.

— Ну, мнѣ пора! сказалъ онъ.— Мнѣ еще надо обойти вонъ тотъ лѣсокъ! Прощайте, хорошіе господа!

Онъ свистнулъ Бобкѣ и старая собака поплелась за нимъ на своихъ трехъ ногахъ.

— Бобка! Бобка! закричалъ ей вслѣдъ Александръ.

Она вернулась къ намъ и ласково завиляла намъ хвостомъ.

Александръ нагнулся надъ ней, взялъ ее за голову и прижался къ ней своей щекой. Она легла на спину, повернулась кверху брюхомъ, какъ это дѣлаютъ собаки въ избыткѣ довѣрія къ людямъ, и захлопала по землѣ хвостомъ.

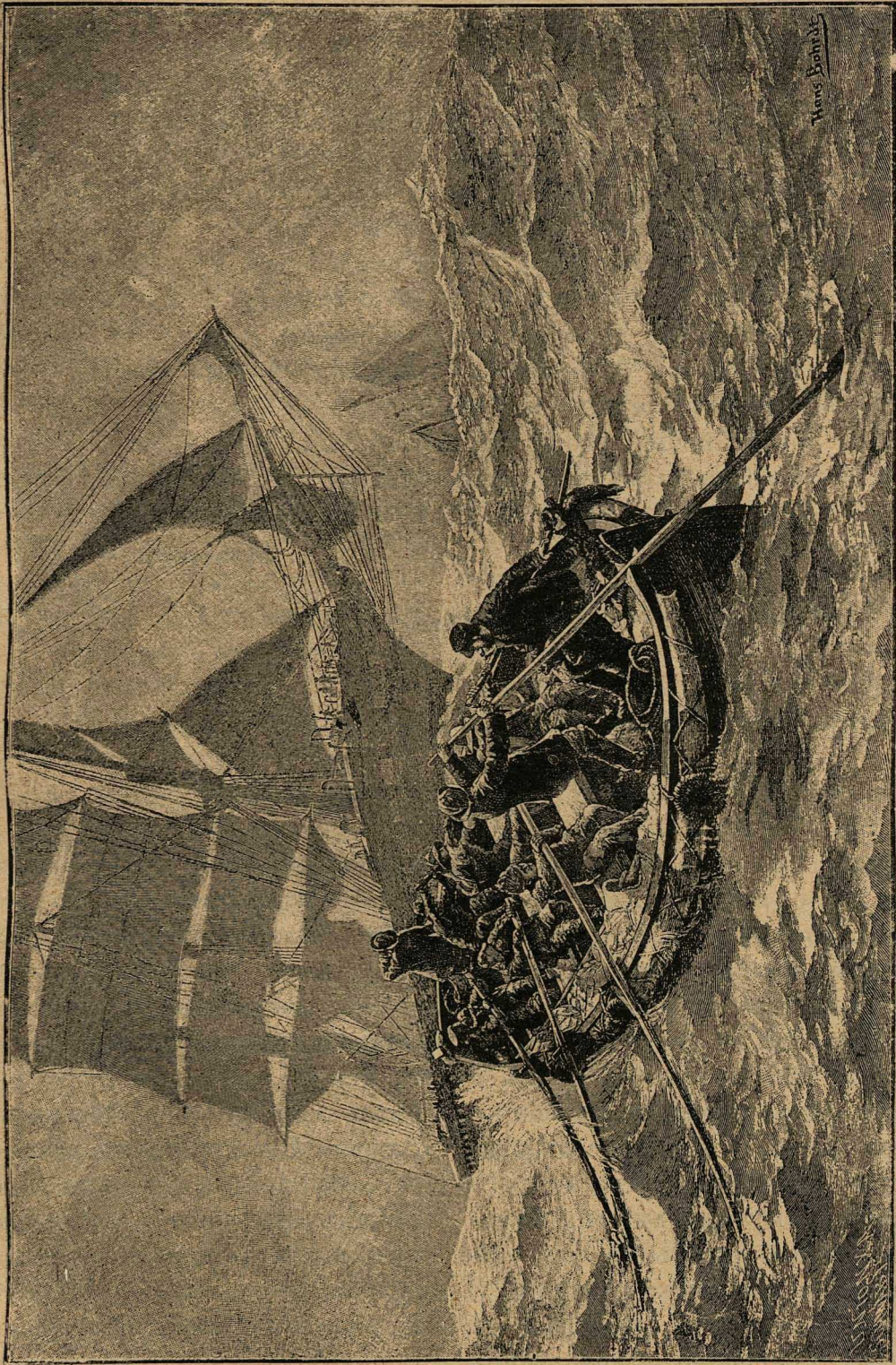
И никто-бы не подумалъ, что эта собака, когда-то была ранена на войнѣ.

Л. Л.

Д Р У З Ъ Б А .

На помощь къ погибающему кораблю*

А П Р Ъ Л Ъ.

Ужъ слышно въ воздухѣ весны дыханье,
 Бѣжитъ ручей студёный чрезъ поля,
 Ужъ обнажилась и оттаяла земля
 И рѣзвыхъ птичекъ щебетанье
 Доносится изъ лѣса и изъ парка.
 Скворцы съ утра хлопчуть у гнѣзда,
 Мычатъ въ поляхъ уставшія стада...
 И такъ на солнышкѣ къ полудню станетъ жарко,
 Что даже мушки залетаютъ.
 А къ вечеру, когда взойдетъ луна,
 Настанетъ вдругъ такая тишина,
 Что слышно, какъ въ селѣ собаки лаютъ...

Кузнечикъ.

М Ъ Т К А «Е. И.».

ПОВѢСТЬ

(Продолженіе).

Раннее дѣтство Леночки, протекло тихо и мирно. Родителей своихъ она не знала и нить ея жизни начиналась лишь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она попала въ пансіонъ, гдѣ ее тотчасъ-же принялись учить молиться, думать о добрѣ, всегда отвѣчать на вопросы только „да“ и „нѣтъ“ и „благодарю васъ“ и строго-на-строго запретили мучить кошекъ и собакъ и даже трогать въ саду маленькихъ насѣкомыхъ.

— Имъ больно! говорила ей Дарья Семеновна, начальница

пансіонъ-пріюта.—Нельзя обижать слабыхъ созданія.

Она была терпѣливымъ ребенкомъ, потому что жизнь не казалась ей тяжелой. Она никогда не пыталась выглянуть за калитку и никогда не желала лучшаго и вѣроятно въ общемъ ей было жить не дурно. Она никогда не голодала, всегда была одѣта чисто, спала подъ теплымъ одѣяломъ и всѣ наказанія, которымъ она подвергалась, не шли дальше строгаго слова, вслѣдъ за которымъ обязательно слѣдовали примиреніе и горячій поцѣлуй.

Такъ шло время до тѣхъ поръ, пока она не выравнялась въ дѣвочку подростка и пока ей вдругъ не стали приходить въ голову странныя мысли и фантазіи, о которыхъ она раньше даже и не воображала. Почему она, какъ другія дѣвочки, не уходитъ на праздники домой? Почему она не получаетъ писемъ отъ родителей? Почему ничего не знаетъ о себѣ, кромѣ только того, что существуетъ на свѣтѣ?

Однажды въ субботу она сидѣла въ жаркій полдень подъ старымъ деревомъ, которое росло въ пріютскомъ саду и думала думу. И чѣмъ больше она думала, тѣмъ больше приходила къ заключенію, что должна-же наконецъ разспросить о себѣ у своей начальницы, и на слѣдующій-же день рѣшила съ нею поговорить. Выждавъ, когда Дарья Семеновна осталась одна, она подошла къ ней и объявила, что желаетъ съ ней поговорить.

Дарья Семеновна вздрогнула, покраснѣла, а затѣмъ быстро и съ несвойственной ей строгостью спросила:

— О чемъ?

— Это касается лично меня, храбро отвѣтила ей Леночка.—Я прошу васъ рассказать мнѣ, какимъ образомъ я попала къ вамъ въ пансіонъ, кто я, откуда, кто мои родители и почему я ихъ не видѣла ни разу?

Милая старушка вздохнула, понюхала спирту и опустилась въ кресло.

— Моя сестра и я всегда думали о томъ, что рано или поздно намъ придется рассказать. Я поговорю съ сестрой и если что я позабыла, то она напомнитъ мнѣ. Мы постараемся сообщить тебѣ завтра все.

Это обѣщаніе удовлетворило Леночку, потому что старушка всегда сдерживала свое слово.

На слѣдующее утро, послѣ завтрака, когда скатерть была уже убрана и горничная удалилась въ кухню, Дарья Семеновна достала узелокъ и положила его на столъ. Отъ него пахло перцемъ и нафталиномъ, какъ обыкновенно пахнетъ отъ вытасченныхъ изъ сундука вещей.

— Тебя принесъ сюда какой-то мальчикъ - гимназистъ, начала Дарья Семеновна.—Онъ сообщилъ намъ, что спасъ тебя, тогда еще грудного ребенка, въ морѣ послѣ крушенія парохода „Евстафій“, плывшаго изъ Батума въ Одессу. Когда онъ пришелъ къ намъ, то на немъ не было лица. Онъ рассказалъ намъ, что плылъ на этомъ пароходѣ вмѣстѣ со своимъ дядей, который утонулъ, что на томъ-же пароходѣ были также и твои мать и отецъ, совершавшіе путешествіе съ Кавказа въ Крымъ. Съ ними была ихъ няня, державшая на рукахъ маленькую дѣвочку

ку, которую они называли Леночкой. Въ туманную ночь, когда пароходъ „Евстафій“ шелъ ощупью, едва подвигаясь впередъ, на него въ темнотѣ налетѣлъ вдругъ какой-то иностранный пароходъ, пробилъ ему бокъ и пустилъ его ко дну. Всѣ пассажиры, въ томъ числѣ твои мать, отецъ и няня погибли. Мальчикъ - гимназистъ бросился въ воду и, ухватившись за что-то, плылъ цѣлую ночь. Когда его носило по волнамъ, то къ нему прибило маленькаго ребенка. Онъ схватилъ его въ зубы, одной рукой сталъ грести, а другой продолжалъ держаться за доску или я ужъ не знаю за что, панянь измѣняетъ мнѣ, и послѣ невѣроятныхъ усилій добрался наконецъ до берега. Онъ спасъ ребенка. Этимъ ребенкомъ была ты. Бѣдняжка, онъ доплелся кое-какъ пѣшкомъ до нашего города, гдѣ для него всѣ были чужіе, и долго не зналъ, куда тебя пристроить. Всѣ, къ кому только онъ ни обращался, высказывали ему свое сожалѣніе, но ни одна душа не приютила ни его самого, ни тебя. Тогда въ отчаяніи,—какой самоотверженный мальчикъ!—онъ рѣшилъ оставить тебя у себя. Онъ былъ сиротой. Его дядя тоже погибъ. Мальчикъ продалъ свои часы, которые остановились, потому что во время крушенія въ нихъ залилась вода, и отправился на вокзалъ, чтобы уѣхать къ себѣ на

родину. Какъ вдругъ, проходя по нашей улицѣ мимо нашего пансіонъ-пріюта, онъ увидалъ нашу вивѣску и позвонилъ къ намъ. Мы приняли его. Онъ искренно рассказалъ намъ свою исторію и мы не осмѣлились ей не повѣрить, такъ правдиво было выраженіе его лица. О гибели парохода „Евстафій“ мы знали уже изъ газеты. Бѣдный гимназистъ сказалъ намъ, что желаетъ помѣстить тебя къ намъ на воспитаніе. Сестра и я долго не рѣшались,—не правдали, Анненька?—на томъ простомъ основаніи, что ты была гораздо моложе, чѣмъ требовалось по уставу нашего пансіона, утвержденному правительствомъ.

Анненька въ знакъ полного согласія поклонилась и Дарья Семеновна продолжала:

— Гимназистъ сказалъ, что тебя зовутъ Леночкой, сталъ настаивать, чтобы мы тебя приняли въ нашъ пансіонъ, и такъ горько плакалъ, что наши сердца разрывались на части. Но, во первыхъ, у насъ не было для тебя порядочной няньки, а во вторыхъ намъ было страшно взять тебя къ себѣ, потому что у тебя не было метрическаго свидѣтельства и мы не знали, ни чья ты дочь, ни гдѣ и когда ты родилась.

— Хотите вы взять на воспитаніе этого ребенка, или нѣтъ? рѣшительно спросилъ гимназистъ.

Намъ сдѣлалось стыдно, что

онъ, одиннадцатилѣтній мальчикъ, и былъ великодушнѣе, чѣмъ мы, мы подумали съ минуту и отвѣтили, что согласны. Онъ просіялъ, сталъ цѣловать у насъ руки въ знакъ благодарности и тотчасъ же убѣжалъ на вокзалъ. Только мы его и видѣли. Въ торопяхъ мы даже позабыли спросить, какъ его зовутъ. Вотъ и все, что мы знаемъ о тебѣ, милое дитя. Мы наводили справки о тебѣ, печатали о тебѣ объявленія въ мѣстныхъ газетахъ, но все оказалось напраснымъ. За тобой не явился никто. Такъ ты и осталась у насъ. Мы сберегли ту самую одежду, въ которой принесъ тебя къ намъ гимназистъ, и вотъ она.

Дарья Семеновна развернула передо мной узелочекъ, отъ котораго пахло нафталиномъ и табакомъ, и я увидела маленькій чепчикъ, рубашечку, простынку и свивальникъ.

— На простынкѣ вышита мѣтка „Е. И.“—продолжала старушка.—Мы такъ и предположили, что ты дѣйствительно окрещена Еленой, а фамилію тебѣ дали уже мы сами. Мы назвали тебя Ивановой, потому что на мѣткѣ стоитъ буква „И“. И вотъ ты живешь съ тѣхъ поръ у насъ и мы всѣ называемъ тебя „Лена Иванова“. Больше я ничего не имѣю тебѣ сказать. Не правда-ли, Анненька?

Анненька опять въ знакъ согласія молча кивнула головой.

Леночка посмотрѣла на обѣихъ сестеръ и по ихъ спокойнымъ, серьезнымъ, искреннимъ лицамъ увидела, что онѣ говорили ей чистую правду. Затѣмъ онѣ всѣ трое стали плакать. Потомъ стали цѣловаться и цѣловались безчисленное число разъ. Отерши глаза холодной водой, пошли гулять по саду. И съ этого дня и часа они уже болѣе ни разу не вспоминали объ этой исторіи. Но Леночка чувствовала, что это объясненіе только упрочило ея дружбу съ старушками.

Когда ей пошелъ семнадцатый годъ, то она была высокой, стройной дѣвушкой съ большими волосами, которыми очень гордилась. Расчесывая ихъ, она часто думала о своей матери, предполагая, что вѣроятно и у нея были такіе-же прекрасные волосы и что она была похожа именно на мать. И она любила забраться въ глухой уголокъ своего пріютскаго сада и думать по цѣлымъ часамъ о своей судьбѣ, воображать себѣ своихъ отца и мать, представлять послѣднія ихъ минуты на пароходѣ и самую гибель „Евстафія“. Такъ она сидѣла въ саду въ одинъ жаркій лѣтній день и мечтала, когда къ ней подошла вдругъ Дарья Семеновна и сказала, что желаетъ отъ себя лично и отъ имени своей сестры поговорить съ нею о чемъ-то важномъ.

— Я къ вашимъ услугамъ... от-

вѣтила Леночка — Я васъ слушаю.

Она сѣла рядомъ съ ней и начала съ того, что она и ея сестра достигли уже престарѣлаго возраста, устали работать и поэтому рѣшили совершенно удалиться отъ дѣлъ. Они продаютъ свой пансіонъ на полномъ ходу, покупаютъ себѣ маленькій домикъ въ деревнѣ и поселятся въ немъ навсегда. Конечно, Леночка останется въ пансіонѣ и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что будущіе покупатели пригласятъ ее давать въ немъ уроки. Вѣдь такъ теперь рѣдки учительницы, которыя выросли въ той-же самой школѣ, гдѣ и останутся учить дѣтей, и новые покупатели будутъ очень недалъновидны, если не воспользуются ея познаніями и трудомъ. Во всякомъ случаѣ онѣ, сестры, совѣтуютъ Леночкѣ остаться въ пансіонѣ.

— Плакать не о чемъ, сказала дѣвушкѣ Дарья Семеновна. — Все очень просто. Наше разставанье будетъ самымъ счастливымъ. Мы останемся друзьями, будемъ часто писать другъ другу, а по большимъ праздникамъ ты, Леночка, будешь къ намъ пріѣзжать. Мы присмотрѣли себѣ прелестный домикъ въ Карачевкѣ, гдѣ всегда найдется мѣсто и для тебя, но мы нарочно не хотимъ задерживать тебя при насъ. Ты должна начать самостоятельную жизнь, родите-

лей у тебя нѣтъ, ты сирота и потому должна научиться зарабатывать хлѣбъ сама. У насъ во всемъ свѣтѣ нѣтъ родственниковъ и мы всегда смотрѣли на тебя, какъ на свою дочь. Но не будемъ больше говорить объ этомъ сегодня, поговоримъ еще завтра, и ты скажешь намъ, какъ добрая дѣвушка, какъ именно ты намѣрена поступить въ виду того, что мы продаемъ нашъ пансіонъ.

— Хорошо, отвѣтила Леночка, — завтра я дамъ вамъ мой отвѣтъ.

Онѣ перемѣнили разговоръ, взяли за руки и еще долго взадъ и впередъ бродили по дорожкамъ сада.

Всю ночь Леночка обдумывала свое положеніе. Остаться въ пансіонѣ при новыхъ владѣльцахъ, которыхъ она не знала и которые не знали ее, для нея представлялось невозможнымъ, и въ то-же время она не могла переселиться и къ милымъ сестрамъ въ ихъ новое жилище безъ ихъ приглашенія. Дарья Семеновна опредѣленно сказала ей, что она уже не дитя и должна научиться добывать себѣ хлѣбъ сама. Леночка вполне соглашалась съ ней, понимала, что въ ихъ домѣ она будетъ теперь совершенно лишняя, и послѣ долгихъ размышленій, пришла наконецъ къ заключенію, что оставаться въ пансіонѣ безъ старушекъ-сестеръ ей было-

бы невозможно, а обременять ихъ своимъ лишнимъ ртомъ было-бы неблагоприятно. И она твердо рѣшила искать мѣста въ какой-нибудь семьѣ или-же просто поступить въ гувернантки. Объ этомъ она и передала на слѣдующій день милымъ старушкамъ. Онѣ очень одобрили ея рѣшеніе.

— Мы тоже начали, какъ бѣдныя учительницы, душечка, сказала Дарья Семеновна, — и работали всегда, не покладая рукъ. Мы любили трудиться. Поэтому трудись и ты, мое дитя, работай до послѣднихъ силъ. Ученіе и трудъ — все перетрутъ.

Было условлено такъ, что Леночка напечатаетъ въ газетахъ объявленіе о томъ, что ищетъ мѣста гувернантки въ хорошей семьѣ къ одной дѣвчкѣ. Въ объявленіи этомъ она написала, что всю свою жизнь провела въ пансіонѣ-пріютѣ, сперва въ качествѣ ученицы, затѣмъ классной дамы и наконецъ учительницы.

На это объявленіе послѣдовало нѣсколько предложеній. Среди полученныхъ Леночкой писемъ было одно такое, которое произвело на нее особенно пріятное впечатлѣніе. Оно пришло отъ какого-то полковника изъ большого провинціального города. Онъ писалъ, что у него одна дочь Вѣрочка десяти лѣтъ, точно устанавливалъ, чему гувернантка должна была ее учить, точно опредѣлялъ жалованіе, ко-

торое Леночка будетъ получать, и прибавлялъ къ этому, что единственное желаніе его и его жены — это имѣть около своей дочери хорошаго, любящаго дѣтей чело-вѣка. Письмо это было написано задумчивымъ тономъ, понравилось Леночкѣ и она отвѣтила на него своимъ полнымъ согласіемъ. Фамилія полковника была Изборскій и ровно черезъ четыре дня Леночка была уже подъ гостепріимной кровлей его дома. Багажа съ нею было очень немного, такъ какъ она почти не имѣла ничего. Но тотъ дѣтскій костюмчикъ, тѣ чепчикъ, простынку и свивальничекъ, въ которыхъ вытаскилъ ее когда-то изъ моря гимназистъ, она взяла съ собою и хранила ихъ, какъ самую дорогую для нея святыню. Кто знаетъ, быть можетъ ихъ шила для нея ея мать?

Леночку приняли у Изборскихъ, какъ родную дочь. Полковникъ и его жена оказались уже не молодыми людьми и дрожали надъ своей Вѣрочкой, какъ путникъ въ знойной пустынѣ дрожитъ надъ каплей воды. Повидимому, она составляла собою весь смыслъ ихъ жизни, они любили ее безъ ума и она платила имъ тѣмъ-же. Что-то невыразимо нѣжное, пріятное было въ отношеніяхъ между дочерью и ея родителями и съ первой-же минуты Леночка убѣдилась, что попала къ хорошимъ людямъ, у которыхъ бу-

Ранней весной.

Царь зверей.

деть чувствовать себя, какъ у родныхъ.

Приѣхала она къ нимъ подѣ вечеръ. По провинціальной манерѣ они не обѣдали въ это время, а пили чай. Когда она вошла къ нимъ въ столовую, то они всѣ трое повскакивали со своихъ мѣстъ, бросились къ ней съ привѣтствіями и ей въ первую минуту было даже неловко, что они такъ беспокоились изъ-за нея, что прерывали свой чай.

— Ну, вотъ и хорошо! говорилъ полковникъ. — Вотъ отлично, что вы приѣхали! Теперь нашей Вѣрочкѣ будетъ веселѣе!

Съ перваго-же вечера Вѣрочка повисла у Леночки на шеѣ и ея родителямъ было пріятно, что между ею и гувернанткою сразу-же установились добрыя отношенія.

— А вѣдь какая была дикарка! удивлялся полковникъ. — Не подходила до сихъ поръ ни къ кому! Это вы, Елена Ивановна, обладаете такимъ даромъ привлекать къ себѣ дѣтей!

Леночка улыбалась ему въ отвѣтъ, но вѣроятно и они сами обладали такимъ-же даромъ привлекать къ себѣ людей, потому что и она съ первой-же минуты привязалась къ нимъ всей своей душой.

Жизнь Леночки у Изборскихъ потянулась своимъ чередомъ. Она была у нихъ, какъ своя; учились, читали, гуляли, работали всѣ вмѣстѣ и не было въ домѣ такого дѣла, въ которомъ не принимала-бы участія и она. Жили Изборскіе довольно богато, имѣли своихъ лошадей, часто принимали гостей и ни разу, ни однимъ намекомъ не давали Леночкѣ понять, что она для нихъ чужая, и представляли ее своимъ знакомымъ не какъ гувернантку ихъ дочери, а просто какъ тетю—Нелли. Такъ прозвала ее почему-то Вѣрочка и съ первыхъ-же шаговъ Леночки въ ихъ домѣ всѣ, и хозяйева и вся ихъ прислуга, стали звать ее „тетей Нелли“.

Это нравилось ей и она поднимала иногда украдкой глаза къ небу и съ благоговѣніемъ произносила:

— Слава Богу!

Ея хозяйева не знали ея исторіи, и не напрашивались на то, чтобы она имъ ее рассказала, но это не мѣшало имъ полюбить ее и всякій разъ, какъ ея глаза встрѣчались съ глазами ея хозяйки, сердце ея трепетало, ей приходила на умъ ея мать и ей хотѣлось броситься къ полковницѣ на шею и плакать, плакать безъ конца.

— скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НА ЗАДНЕМЪ ДВОРѢ.

Пришелъ изъ волостного правленія сотскій Максимъ и передалъ садовнику Нилу Гавриловичу письмо.

— Мнѣ? Письмо? удивился Ниль Гавриловичъ.—Отъ кого-бы это?

Онъ не привыкъ получать письма. Его барыня-хозяйка жила уже четвертый годъ за границей и не писала ему оттуда почти никогда. Разъ или два въ годъ къ нему являлся батюшка, отецъ Платонъ изъ ближайшаго села, который говорилъ ему, что получилъ отъ барыни изъ Парижа письмо и что она проситъ его, батюшку, съѣздить къ ней въ усадьбу и сдѣлать кое-какія распоряженія по хозяйству. Такимъ образомъ всѣ распоряженія Ниль Гавриловичъ получалъ не отъ хозяйки, а отъ батюшки отца Платона.

— Отъ кого-бы это письмо? думалъ онъ.

И онъ вертѣлъ письмо въ рукахъ, оглядывалъ его со всѣхъ сторонъ и боялся его распечатать. Затѣмъ онъ наконецъ рѣшился, досталъ большія, круглыя очки, развернулъ передъ собою письмо, положилъ локти на столъ и сталъ его разбирать по складамъ.

Онъ жилъ на заднемъ дворѣ, во флигелѣ, выходившемъ одною стороною въ садъ. Почти четверть

его комнаты занимала большая всегда теплая печь, около которой поставлена была опрятная кровать. По стѣнамъ стояли столъ, два стула и большое камышевое кресло, доставшееся ему отъ покойнаго хозяина. Въ углу были разставлены всевозможныя садовыя орудія, а на стѣнахъ висѣли картины, изображавшія швейцарскихъ пастушковъ и пастушекъ. Ниль Гаврилычъ жилъ одинъ, самъ себѣ варилъ обѣды и ставилъ самоваръ и въ его жилищѣ было такъ чисто и уютно, точно за нимъ ходила его жена или дочь. Но бѣдняга-садовникъ былъ одинокъ и ему приходилось управляться со своимъ домашнимъ хозяйствомъ самому.

Окончивъ чтеніе, Ниль Гаврилычъ набожно перекрестился, покачалъ головой и стеръ навернувшуюся слезу.

— Царство ей небесное!.. проговорилъ онъ.—Упокой, Господи, ея душу!..

Онъ свернулъ письмо, вложилъ его въ конвертъ и положилъ въ книгу. Затѣмъ онъ всталъ, подошелъ къ окну и долго смотрѣлъ черезъ него въ садъ.

У него была двоюродная сестра Анна Филиповна, которая жила въ горничныхъ въ Москвѣ. У нея

была дочь Феня, дѣвочка лѣтъ девяти.

И вотъ Ниль Гаврилычъ получилъ отъ какой-то старушки изъ Москвы письмо, въ которомъ она извѣщала его о смерти его двоюродной сестры и о томъ, что Феня плачетъ по своей матери и что хорошо было-бы взять ее изъ Москвы въ деревню и пристроить ее гдѣ-нибудь у крестьянъ.

— Бѣдная дѣвочка!.. вздохнулъ Ниль Гаврилычъ.—Осталась сироткой одна на чужой сторонѣ...

И чѣмъ дольше думалъ онъ о покойной сестрѣ и о своей племянницѣ, тѣмъ въ немъ все болѣе и болѣе крѣпло рѣшеніе взять дѣвочку къ себѣ и кончилось дѣломъ, что на слѣдующую-же недѣлю онъ собрался въ дорогу и отправился въ Москву.

Онъ никогда не бывалъ въ большихъ городахъ и потому, приѣхавъ въ Москву, тотчасъ-же растерялся и не зналъ, куда идти. Онъ со страхомъ поглядывалъ на большіе дома, которые тѣсно жалісь одинъ къ другому и безъ заборовъ и безъ садовъ на цѣлыя версты тянулись по бокамъ улицъ. Мимо него взадъ и впередъ спѣшили прохожіе, сновали экипажи и пробѣгали вагоны трамвая и онъ то и дѣло оглядывался назадъ, боясь, какъ-бы на него кто-нибудь не налетѣлъ.

— И въ такомъ аду жила моя сестра! удивлялся Ниль Гаврилычъ.

Онъ съ большимъ трудомъ отыскалъ тотъ домъ, гдѣ жила его сестра. Тамъ ему указали адресъ сердобольной женщины, пріютившей у себя сироту. Онъ отправился туда, взобрался на пятый этажъ и постучалъ въ указанную дверь. Ему открыла маленькая, сморщенная старушка. Очевидно, она его ожидала.

— Вы Ниль Гаврилычъ? спросила она.

— Онъ самый, отвѣтилъ онъ.

Она ввела его въ маленькую комнатку, въ которой пахло капустой и чернымъ хлѣбомъ.

— Феня, сказала старушка.— Твой дядя приѣхалъ!

Ниль Гаврилычъ оглядѣлся по сторонамъ. Маленькая дѣвочка слѣзла съ кровати и недовѣрчиво сдѣлала два шага впередъ.

— Иди-же къ дядѣ! сказала старушка. — Чего боишься? Онъ — свой!

Ниль Гаврилычъ присмотрѣлся и увидѣлъ дѣвочку, одѣтую въ черное платьице. Опустивъ голову, она стояла у кровати и боялась идти впередъ. На видъ ей можно было дать не болѣе семи лѣтъ, такъ она была тщедушна и худа, но серьезное выраженіе лица и какой-то особый блескъ глазъ доказывали, что она передумала ужъ о многомъ и знала, что такое горе и нужда.

Ниль Гаврилычъ протянулъ къ ней руки.

— Здравствуй, Феничка! сказалъ онъ.

— Здравствуйте, дяденька... тихо отвѣтила она и еще ниже опустила голову.

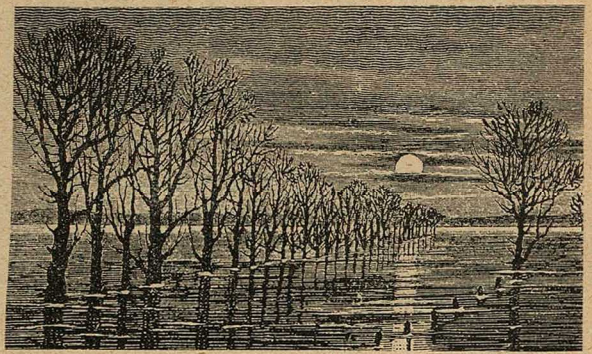
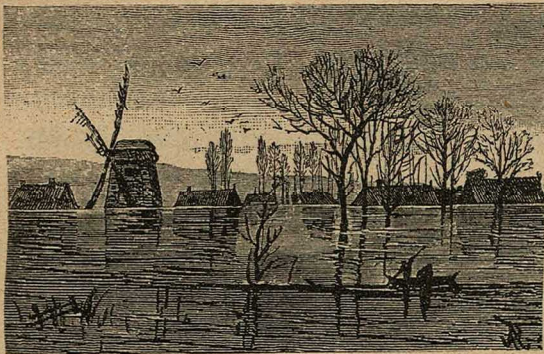
Старушка взяла ее за руку и насильно подвела ее къ дядѣ.

— Вѣдь какая была веселая да разговорчивая дѣвочка! сказала она.—А вотъ какъ мать умерла, такъ точно она себѣ въ ротъ воды набрала!

наступилъ вечеръ и они сидѣли уже въ вагонѣ, то она уже весело болтала и рассказывала ему про свою жизнь въ Москвѣ, а онъ слушалъ ее, улыбался, ласково глядѣлъ ей въ самыя глаза и думалъ:—

— Слава Богу, теперь я уже не одинъ!

Раздался свистокъ и мимо нихъ потянулись фабрики, засыпанные снѣгомъ поля и лѣса и иногда рѣзко пронизывали темноту искры

Весеннія картинки.

Дядя взялъ ее на руки, сѣлъ и усадилъ ее къ себѣ на колѣни. Затѣмъ онъ вынулъ изъ кармана апельсинчикъ и протянулъ его къ ней.

— Хочешь? спросилъ онъ ее.

Она глубоко-глубоко вздохнула и прошептала:

-- У меня мама умерла.

Онъ сталъ утѣшать ее, какъ могъ, сталъ описывать ей, какой у него садъ, какія куры и индюшки и какъ она будетъ жить у него; она развеселилась немного и когда

отъ паровоза. Но Феня не видѣла и не слышала ничего. Было тѣсно, она спала у дяди на колѣняхъ, а Нилъ Гаврилычъ глядѣлъ на нее, улыбался и во всю ночь не смыкалъ очей.

На слѣдующія сутки они приѣхали къ себѣ въ усадьбу. Нилъ Гаврилычъ помѣстилъ Феню у себя въ комнатѣ и въ ней какъ-то сразу вдругъ все повеселѣло. Раздалось дѣтское щебетанье, повсюду стали слышаться веселенькій голосокъ Фени, все для нея казалось въ

усадебѣ новымъ и интереснымъ и оба они, и Ниль Гаврилычъ, и она, и не замѣтили, какъ промелькнула зима и какъ растаялъ снѣгъ и мутными ручьями сбѣжалъ въ рѣку. Прилетѣли сквоцы, выглянули подснежники, лѣсъ и паркъ одѣлись зеленоватой дымкой, а затѣмъ дядюшка принялся за лопату и по цѣлымъ днямъ сталъ ковыряться у цвѣточныхъ грядокъ и у розъ. Феня помогала ему, устраивала грядки, слѣдила за лѣтниками въ оранжереѣ и въ парникѣ и цѣлые дни проводила на воздухѣ. Закричали затѣмъ птицы, залетали бабочки и всюду потянулись запахи, которыми все болѣе и болѣе хотѣлось дышать.

Весна вступила въ свои права.

И вдругъ приѣхалъ батюшка отецъ Платонъ и сообщилъ, что имъ получена ночью телеграмма. Барыня Надежда Петровна возвратилась изъ за-границы, уже находится въ Москвѣ. Черезъ день, черезъ два она будетъ уже въ усадьбѣ.

Все въ усадьбѣ закопошилось. Ниль Гаврилычъ растворилъ въ большомъ домѣ всѣ окна и двери настежь, чтобы провѣтрить его къ приѣзду хозяйки, самъ вычистилъ и выбилъ всю мебель и ковры, оставилъ всѣ комнаты цвѣтами и всюду навелъ порядокъ. Въ паркѣ были вычищены всѣ дорожки и даже на дворовой собакѣ Волчкѣ была острижена, свалывшаяся за

зиму шерсть. Феня за всѣмъ слѣдила большими глазами и ей было страшно, что приѣдетъ сама барыня Надежда Петровна, и въ то-же время хотѣлось ее видѣть.

Но вотъ кучеръ Василій уже выѣхалъ за барыней на станцію. Два часа томительнаго ожиданія и наконецъ слышатся знакомые бубенчики и звонки. Это ѣдетъ Надежда Петровна. Когда она проѣзжаетъ черезъ село, то крестьяне выглядываютъ изъ оконъ своихъ избъ, ребятишки прячутся за спины матерей и даже сама учительница Наталія Ивановна выходитъ на крыльцо своей школы и долго глядитъ ей вслѣдъ. Экипажъ проѣзжаетъ послѣднія пять верстъ и наконецъ Надежда Петровна—у себя въ усадьбѣ.

— Ну, вотъ я и у себя... говорить она со вздохомъ облегченія.

Вмѣстѣ съ нею изъ экипажа вылѣзаетъ и мальчикъ лѣтъ девяти — сверстникъ Фени. Онъ оглядывается по сторонамъ, щуритъ отъ солнца глаза и по всей его фигурѣ видно, что онъ воспитанъ, какъ тепличное растеніе, и не отличается здоровьемъ.

Надежда Петровна еще не старая женщина. Ей лѣтъ тридцать пять, не болѣе. Оставшись вдовою послѣ внезапной смерти своего мужа, она всю свою привязанность къ нему перенесла на своего сыночка Аркашу и не чаяла въ немъ души. Кромѣ его одного для нея

не существовало никого болѣе на свѣтѣ. Въ заботахъ о томъ, чтобы онъ былъ сытъ и здоровъ, она часто забывала о другихъ и ея маленькій Аркаша властвовалъ надъ ней, она исполняла всѣ его желанія и самъ мальчикъ сталъ наконецъ думать, что весь міръ созданъ для него одного и что всѣ должны были поступать такъ, какъ онъ этого хотѣлъ.

И теперь, выскочивъ изъ экипажа и обѣжавъ всѣ комнаты и паркъ, въ которыхъ онъ такъ долго не бывалъ, онъ пришелъ въ восторгъ отъ новизны впечатлѣній и первые дни жизни въ усадьбѣ цѣликомъ захватили его, онъ сразу порозовѣлъ и пополнѣлъ и Надежда Петровна не могла наглядѣться на него и радовалась, что вернулась изъ за-границы домой. Но Аркаша уже многое видѣлъ на своемъ недолгомъ вѣку, видѣлъ и Италію, и Швейцарію и Океанъ, его ничѣмъ уже нельзя было удивить, и потому онъ скоро привыкъ къ однообразной красотѣ своей усадьбы и заскучалъ.

— Мама, мнѣ скучно... заявилъ онъ въ одинъ прекрасный день.

— Такъ займись своими игрушками! испугалась мать.— У тебя ихъ цѣлыхъ два сундука!

— Онѣ мнѣ надоѣли... Я здѣсь все одинъ, да одинъ... Мнѣ скучно!

Надежда Петровна притянула его къ себѣ.

— Хочешь, я поиграю вмѣстѣ съ тобою? сказала она.

— Но вѣдь ты-же не можешь бѣгать со мною и играть въ лошадки! отвѣтилъ Аркаша со вздохомъ.— Мнѣ хочется играть съ мальчиками...

Въ это время въ саду раздалось веселое щебетанье Фени. Она вмѣстѣ съ дядей выдергивала изъ цвѣточныхъ клумбъ сорную траву.

— Хочешь, я приглашу къ тебѣ эту дѣвочку? спросила мать.

Аркаша привыкъ за границей къ изящнымъ дѣтямъ, одѣтымъ въ нарядные костюмы, и поморщился. Но выбора у него здѣсь не было никакого, и потому онъ согласился и выбѣжалъ къ Фенѣ въ паркъ.

— Хочешь играть со мной? обратился онъ къ ней.

Она подняла на него свои ласковые, довѣрчивые глаза и просто отвѣтила:

— Дядя приказалъ мнѣ выполоть эту грядку... Когда кончу, тогда поиграю...

— А ты брось!..

Она снова поглядѣла на него и улыбнулась.

— Развѣ это можно! отвѣтила она.

Для него показалось страннымъ, что она не бросала своей работы. Онъ постоялъ около нея и поглядѣлъ, какъ она полола траву.

У тебя есть игрушки? спросилъ онъ ее.

— Игрушки? отвѣтила она.— Нѣтъ...

Водопадъ на рѣкѣ Ориноко въ Южной Америкѣ.

— А какъ-же ты играешь? Чѣмъ ты занимаешься?

— Копаю грядки, сажаю цвѣты вмѣстѣ съ дядей, выдергиваю траву...

— И такъ каждый день?

— Каждый день.

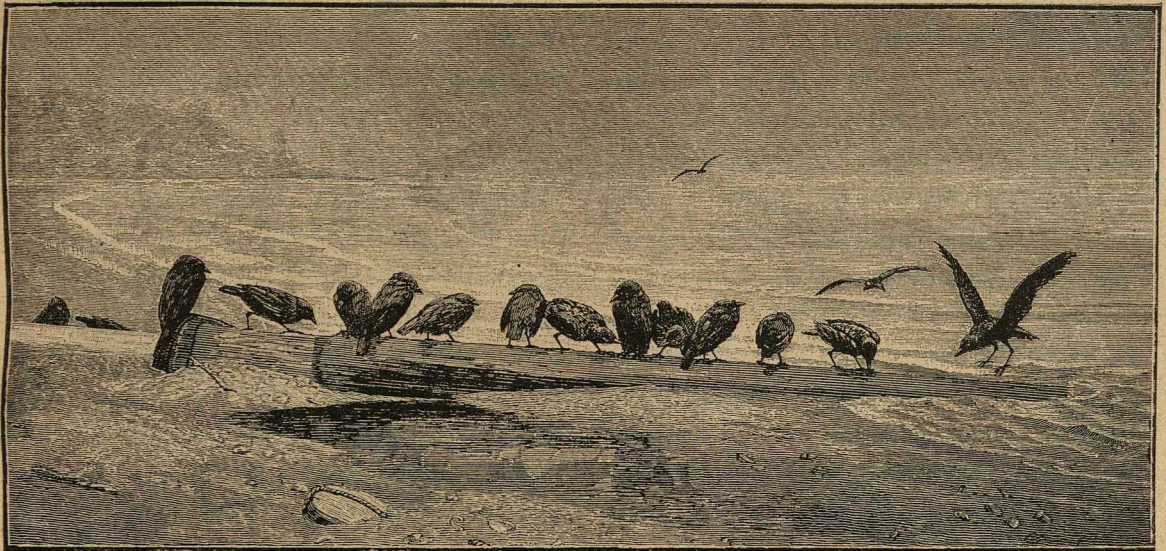
— И тебѣ не скучно?

— Скучно? Нѣтъ... Мнѣ некогда скучать!

— Я буду кучеромъ, а ты — лошадкой, сказалъ онъ и дернулъ за вожжи.— Бѣги скорѣе!

Феня побѣжала. Но Аркаша бѣгалъ скорѣе ея и потому часто ее настигалъ.

— Бѣги-же скорѣе! понукалъ онъ, и вдругъ такъ серьезно вошелъ въ свою роль кучера, что больно ударилъ ее хлыстомъ.

Отдыхъ птичекъ во время перелета.

Онъ постоялъ еще немного, ему хотѣлось играть и онъ грустно сталъ смотрѣть на ея безконечную работу.

— Давай играть въ лошадки! умоляющимъ голосомъ сказалъ онъ наконецъ.

Ей стало его жалко. Она поднялась, страхнула руки и потянулась.

— Ну, давай! отвѣтила она.

Онъ надѣлъ на нее вожжи и взялъ въ руки хлыстъ.

Она поморщилась, хотѣла заплакать, но удержалась.

И еще долго потомъ слышалось, какъ они бѣгали по парку и играли въ лошадки.

Съ этого дня они подружились и стали играть вмѣстѣ. Но игры ихъ были какія-то странныя, неравныя: всегда и во всемъ первенствующую роль игралъ Аркаша, а подчиненную Феня. Если они играли въ лошадки, то кучеромъ непременно былъ онъ, при чемъ

онъ подгонялъ ее иногда хлыстомъ. Если они затѣвали игру въ прятки, то непременно должна была искать она, онъ-же самъ запрятывался всегда такъ далеко, что она никакъ не могла его найти и въ видѣ проигрыша должна была отыскивать его вновь и вновь. И она безропотно во всемъ подчинялась ему и исполняла всѣ его желанія.

Только одинъ разъ, къ вечеру, когда завернулъ вдругъ холодъ и стало казаться, что вотъ-вотъ вернется зима, Феня ласково и умоляюще посмотрѣла Аркашѣ въ глаза и нѣжно попросила:

— Позволь мнѣ спрятаться хоть одинъ разокъ!

Онъ ей позволилъ и ея сердечко наполнилось вдругъ гордостью. Теперь на ея улицѣ праздникъ! Теперь она запрячется такъ, что ее не найдетъ никто, и Аркаша дорого заплатитъ за всѣ свои побѣды надъ нею!

И она забѣжала на задній дворъ, оглядѣлась по сторонамъ и вдругъ лицо ея просіяло. Она увидѣла передъ собой ледникъ.

— „Вотъ хорошо-то здѣсь спрятаться!“ подумала она.

И, сбѣжавъ по лѣстницѣ внизъ, она отворила дверь въ ледникъ и вошла въ него. Здѣсь было холодно, сыро и темно. На полочкахъ стояли крынки съ молокомъ, въ углу—боченокъ съ квасомъ и на немъ начатый прошлогодній кочанъ капусты. На стѣнахъ вид-

нѣлась плѣсень и на полу было мокро отъ просочившейся въ погребъ подпочвенной воды.

— „Пускай-ка онъ теперь меня здѣсь найдетъ!“ улыбнулась Феня и затворила за собою дверь.

Но Аркаша уже давно слѣдилъ, куда она пойдетъ. Едва только она спустилась въ погребъ, какъ глаза его засвѣтились торжествомъ: онъ тихонько, на цыпочкахъ тоже спустился внизъ и съ насмѣшливой улыбкой заперъ дверь въ погребъ снаружи.

Феня попалась въ мышеловку. Теперь она посидитъ въ погребѣ, будетъ думать, что онъ ее ищетъ, а онъ будетъ прохаживаться тутъ-же и потомъ вдоволь насмѣется надъ ней-же. Какая она глупая!

И онъ сталъ уже ходить, какъ ни въ чемъ не бывало, около погребца, какъ изъ большого дома вдругъ раздался голосъ его мамы:

— Аркаша! Уже поздно! Иди домой! Пышечки остынутъ!

Какъ? Уже испекли пышки? А ему уже хочется такъ ѣсть! И, позабывъ о томъ, что въ погребѣ была заперта Феня, онъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ дому и скоро сидѣлъ уже за столомъ, ѣлъ вкусныя, горячія пышки и запивалъ ихъ молокомъ. Часъ спустя, онъ уже лежалъ у себя въ постелькѣ и подъ сказку мамы сладенько засыпалъ.

Вернувшись съ огорода домой и не найдя тамъ Фени, Ниль Гав-

рилычъ подумалъ сначала, что она заигралась съ Аркашей въ большомъ домѣ, и сталъ ее поджидать. Потерявъ затѣмъ терпѣніе, онъ самъ отправился туда, но кухарка сказала ему, что Аркаша уже спитъ, что Фени въ домѣ нѣтъ, но она сама слышала, какъ часъ тому назадъ Феня кричала откуда-то издалека: вѣроятно, она была въ полѣ или въ сосѣднемъ лѣску. Ниль Гаврилычъ вышелъ за ворота и съ тревогой сталъ кликать Феню. Отвѣта не послѣдовало.

— Что-бы это значило? проговорилъ онъ.—Куда она убѣжала?

И прождавъ ее еще немного, онъ вернулся къ себѣ въ сторожку.

Въ десятомъ часу вечера вдругъ неожиданно отворилась дверь и къ нему вбѣжала кухарка. Она держала на рукахъ Феню. Спустившись зачѣмъ-то въ погребъ, она натолкнулась на дѣвочку въ темнотѣ и подняла ее съ полу. Вся промокшая до костей и посинѣвшая отъ холода, Феня сидѣла на корточкахъ у стѣны и тупо глядѣла передъ собою въ пространство. Зубы ея стучали и вся она дрожала, какъ осиноный листъ.

— Гдѣ она была? быстро спросилъ кухарку Ниль Гаврилычъ.

— Въ ледникѣ!.. Схожу туда внизъ, а она, бѣдная, тамъ и лежитъ... Кто-то ее тамъ заперъ на задвижку. Должно, молодой барчукъ!..

Ниль Гаврилычъ взялъ Феню на руки и положилъ ее на постель. Казалось, она не понимала ничего. Онъ бережно раздѣлъ ее и укрылъ одѣяломъ.

— Хочешь чайку? спросилъ онъ.

Она не отвѣтила.

— Хочешь, я дамъ тебѣ чайку?

Она попрежнему не отвѣтила ему ничего и продолжала стучать зубами. Онъ понялъ, что она простудилась, и сверхъ одѣяла покрылъ ее еще и шубой.

— Ишь, ты, вѣдь грѣхъ какой!.. сказалъ Ниль Гаврилычъ и, сѣвши около больной, долго смотрѣлъ на нее, какъ она вся дрожала и стучала зубами.

Къ полуночи Феня пришла въ себя, дядя напоилъ ее чаемъ и затѣмъ всю ночь провозился съ нею до утра. Утромъ она поднялась, весело рассказала дядѣ про свое приключеніе и даже вышла на воздухъ и немножко побѣгала по заднему двору. Но съ полудня она заскучала, а къ вечеру уже слегла въ постель и заметалась въ жару.

Дня черезъ два Ниль Гаврилычъ запрягъ лошадку и отвезъ на ней захворавшую Феню въ земскую больницу. И никто въ усадьбѣ даже и не замѣтилъ ея отсутствія.

А весна все шла и шла съ юга на сѣверъ и наконецъ вступила въ свои права и въ усадьбѣ Надежды Петровны. Пасха была

поздняя, мелькнулъ и великій постъ и вотъ ужъ настала и Страстная недѣля.

Феня лежала въ земской больницѣ, сильно капляла и съ нетерпѣніемъ ожидала, когда придетъ къ ней изъ усадьбы дядя. И онъ приходилъ къ ней въ каждую свободную минуту, несмотря на то, что больница отстояла отъ усадьбы на цѣлыя восемь верстъ, и долго просиживалъ около нея и старался рассказать ей что-нибудь смѣшное или забавное. Она улыбалась и онъ чувствовалъ, какъ на душѣ у него становилось отрадно отъ этой ея улыбки.

— Только-бы выздоровѣть къ Пасхѣ... говорила со вздохомъ Феня.

— Выздоровѣешь, дастъ Богъ! утѣшалъ ее Ниль Гаврилычъ.

Но Страстная недѣля прошла, а она все еще оставалась въ больницѣ.

Но вотъ и Пасха. По просьбѣ больныхъ, земскій врачъ пригласилъ въ больницу іеромонаха изъ монастыря и онъ въ 8 часовъ вечера отслужилъ больнымъ пасхальную заутреню. Было немножко странно слушать церковную службу въ больничной палатѣ, среди коекъ, на которыхъ лежали больные, но вышло трогательно и мило. Больные сидѣли въ подушкахъ, со свѣчами въ рукахъ, одинъ изъ нихъ громко подпѣвалъ дьячку хриплымъ голосомъ и часто смор-

кался: должно быть плакалъ. Когда заутреня кончилась, докторъ похристосовался со всѣми больными, отпустилъ іеромонаха и больные еще долгое время находились подъ впечатлѣніемъ службы. Имъ вспомнилось ихъ дѣтство, захотѣлось къ себѣ домой, гдѣ пахло вкусно куличами и гдѣ теперь ихъ родные встрѣчали свѣтлый праздникъ безъ нихъ.

Феня сидѣла на кровати и молилась, около нея стоялъ Ниль Гаврилычъ и ему было и пріятно, и въ то-же время необычно слушать пасхальную заутреню не въ полночь, какъ онъ привыкъ обыкновенно, а въ 8 часовъ, когда еще свѣтило солнце и оранжевымъ свѣтомъ отражалось на стѣнахъ палаты и на чистомъ бѣлѣ боль-ныхъ.

— Ну, прощай!.. обратился Ниль Гаврилычъ къ Фенѣ, когда окончилась служба.—Завтра я опять къ тебѣ приду...

Она опустила глаза и сказала:

— Принеси, дядя, мнѣ сюда красное яичко и... куколку. Она лежитъ у меня въ коробочкѣ на окнѣ.

— Хорошо... отвѣтилъ дядя.— Принесу!

И онъ отправился домой. Съ палкой въ рукѣ онъ шелъ черезъ лѣса и черезъ поля. Было ароматно, пахло свѣже-вспаханной землей и, не смотря на поздній часъ, въ воздухѣ слышалось пѣніе жа-

воронка. Кругомъ было привольно и просторно. Солнце уже сѣло и красныя полосы на горизонтѣ вспыхнули на томъ мѣстѣ, гдѣ оно зашло.

Вдругъ какая-то тѣнь мелькнула въ кустахъ. Ниль Гаврилычъ остановился, всмотрѣлся въ сумерки и сталъ выжидать.

„Что-бы это было?“ подумалъ онъ.

Тѣнь становилась все яснѣе и яснѣе и наконецъ Ниль Гаврилычъ узналъ въ ней мальчика. Онъ бѣжалъ со всѣхъ ногъ, тяжело дышалъ и, видимо, куда-то спѣшилъ. Лицо его было красно отъ усталости и волоса прилипли къ вспотѣвшему лбу.

Ниль Гаврилычъ направился къ нему навстрѣчу и загородилъ ему собою дорогу.

— Батюшка, баринъ, это вы? пролепеталъ онъ въ удивленіи.— Куда это вы бѣжите?

Это былъ Аркаша. На немъ не было лица. Увидѣвъ передъ собою мужчину, онъ остановился, но потомъ, узнавъ въ Нилѣ Гаврилычѣ своего, радостно улыбнулся.

— Куда вы? спросилъ его садовникъ.

Вмѣсто отвѣта Аркаша бросился къ нему на шею и сталъ рыдать.

— Простите меня... Простите... заговорилъ онъ.— Я такъ передъ вами виноватъ!

Нила Гаврилыча тронули его

слезы, онъ прижалъ мальчика къ себѣ и поправилъ на немъ его костюмчикъ.

— Куда же вы теперь бѣжите? спросилъ онъ Аркашу.

— Туда... Къ ней... Въ больницу... отвѣтилъ мальчикъ и снова горько зарыдалъ.— Я хочу попросить прощенія и у нея... Всѣ эти дни я такъ тяжело страдалъ, такъ мучился, что причинилъ ей зло!..

Ниль Гаврилычъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Но разъ начавши, мальчикъ не могъ уже себя сдерживать, слезы лились у него по щекамъ и онъ говорилъ и говорилъ, и Ниль Гаврилычъ понялъ, что онъ изливаетъ этимъ свою душу и искалъ себѣ утѣшенія и оправданія въ своемъ дурномъ поступкѣ. И онъ взялъ его на руки, перенесъ къ тому мѣсту, гдѣ, въ сторонѣ отъ дороги, росла свѣжая, душистая травка, и усадилъ его на нее.

— Сядьте, баринъ, здѣсь, ласково сказалъ онъ,— отдохните! Посидите немножко и пойдемъ!

Аркаша сѣлъ, успокоился и потомъ долго и задумчиво глядѣлъ, не мигая, на яркій солнечный закатъ.

— Сегодня мама читала мнѣ про страданія Христа... сказалъ онъ наконецъ.— И мнѣ такъ страшно было слушать! А потомъ, когда она сказала мнѣ, что на Пасху должны помириться всѣ, то я не смогъ удержаться и побѣжалъ въ

больницу, къ Фенѣ, чтобы попросить у нея прощенія...

Ниль Гаврилычъ посмотрѣлъ на мальчика и лицо его озарилось радостной улыбкой. Неужели Аркаша дѣйствительно таковъ? Неужели у него дѣйствительно такая мягкая, правдивая душа?

И, заглянувъ въ глаза къ мальчику, онъ прочиталъ въ нихъ всю его душу. Онъ увидѣлъ въ нихъ и тоску одиночества, и неправильность воспитанія и отсутствіе воли, чтобы во время себя сдержатъ. И чтобы не дать погаснуть въ немъ этой вспышкѣ благороднаго чувства раскаянія и желанію помириться, онъ поднялся съ мѣста, взялъ Аркашу за руку и сказалъ:

— Пойдемъ!

И они снова зашагали по полямъ и лѣсамъ. Вотъ уже больница, вотъ ея красныя крыши и деревья, на которыхъ гнѣздятся грачи. Ниль Гаврилычъ подходит къ воротамъ и толкаетъ калитку. Она не заперта. Онъ входитъ въ больничный дворъ, вводитъ мальчика въ больницу и ведетъ его прямо къ больной. Въ палатѣ стоитъ еще запахъ ладона, но уже смѣшавшійся съ запахомъ іодоформа, и больные еще не спятъ.

— Вамъ кого? спрашиваетъ его сидѣлка.

Ниль Гаврилычъ христосуется съ ней, объясняетъ ей, въ чемъ

дѣло, и просить ее, чтобы она допустила ихъ къ больной.

— Уже поздно! говоритъ она, но все-таки пропускаетъ ихъ въ палату.

Феня уже спитъ. Около ея кровати стоитъ табуретка и на ней лежатъ ложка и бутылочка съ лекарствомъ. Аркаша склоняется передъ Феней и въ избыткѣ охватившаго его чувства цѣлуетъ ее въ щеку. Она говоритъ что-то во снѣ и поворачивается на другой бочокъ.

— Не замай ее! говоритъ ему сосѣдняя больная старуха. — Пущай ее спитъ!

Аркашѣ хочется разбудить ее, закричать ей и на всю палату, какъ онъ сознаетъ свою вину, но непривычность обстановки сдерживаетъ его и онъ виновато опускаетъ глаза. Въ это время Феня просыпается, въ удивленіи вскакиваетъ на постели и ей кажется, что она видитъ сонъ.

— Помиритесь! говоритъ ласково Ниль Гаврилычъ.

Но Фенѣ не въ чемъ уже мириться. Она давно уже позабыла о томъ, что когда-то произошло, и всѣ ея мысли были заняты только тѣмъ, какъ она выздоровѣетъ и какъ снова будетъ весело бѣгать у себя на заднемъ дворѣ.

Сумерки. Звонятъ вдалькѣ колокола. Ниль Гаврилычъ и Аркаша бредутъ домой. Имъ навстрѣчу попадаются и обгоняютъ ихъ мужи-

ки, которые кричатъ имъ „Христосъ воскресъ!“, и теплый весенній вѣтерокъ дуетъ имъ прямо въ лицо. Попрежнему, не смотря на вечеръ, поютъ высоко надъ головою жаворонки и долго еще слышно, какъ кричатъ около больницы проснувшіеся грачи. Аркаша идетъ и чувствуетъ, что ему хочется жить и что теперь у него свѣтло на ду-

шѣ такъ, какъ никогда еще не было въ жизни.

Когда они возвращаются домой, то ихъ встрѣчаетъ встревожившаяся исчезновеніемъ сына Надежда Петровна. Но, узнавъ, что онъ былъ не одинъ, а уходилъ гулять съ садовникомъ, она успокаивается и вскорѣ начинаетъ приготовляться къ пасхальной заутрени.

М. Ч.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Сваренъ изъ рыбы супъ. Въ него влито масло. Если взять часть масла и смѣшать съ этимъ рыбнымъ супомъ, то получится названіе надоѣдливаго насѣкомаго.

Какое это насѣкомое?

II.

Кто садится верхомъ, а ноги закидываетъ за уши?

(предложила А. Султанъ Шахъ).

III.

Когда Наполеонъ ходилъ вверхъ головой?

(предложилъ В. Смирновъ).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 7, помѣщенныхъ въ № 9 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. МухА, КоровА, РѣшетО, Ножны. Задуманное слово — макароны.

II. Гру+ша (груша)... Сли+вы (сливы)... Я—бъ+локо (яблоко)... Ананасъ... Ды+ня (дыня)... Мали+на (малина)... Земля+ника (земляника)... Перси+кѣ (персикъ).

III. Зола, Лошадь, Топоръ, Еноть, Дѣтки, Стволы = Золотое Дѣтство.

Какъ написать цифру 100 посредствомъ четырехъ девятокъ?

IV.

Почему мѣтятъ бѣлье?

V.

Если въ названіе домашняго животнаго вставить его первый слогъ, то получится инструментъ, необходимый въ оркестрѣ. Какое это животное и какой это инструментъ?

VI.

Подъ какимъ кустомъ прячется обыкновенно въ дождливую погоду лисица?

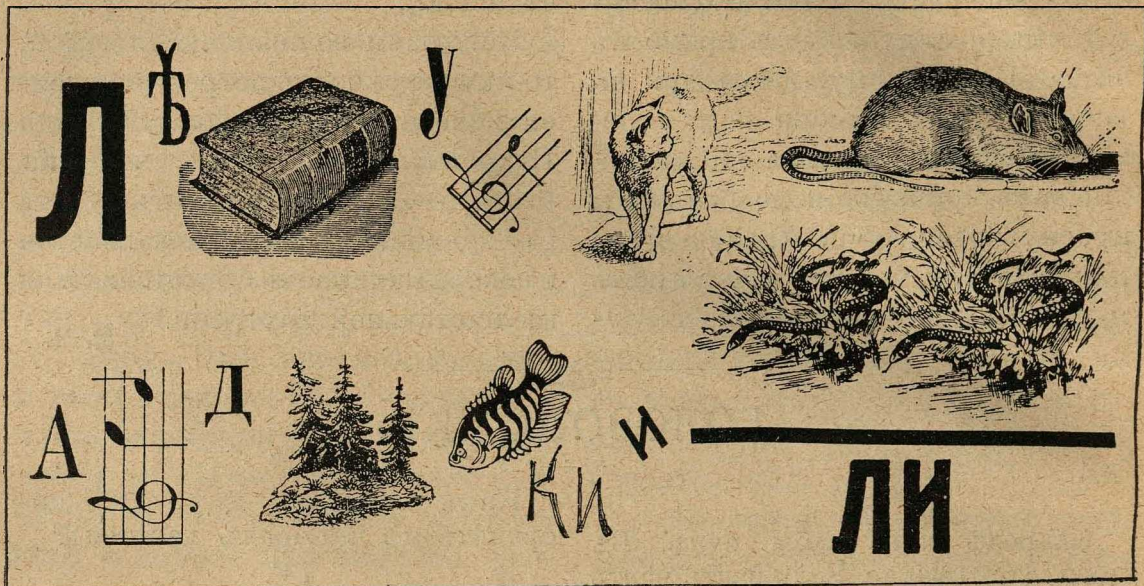
IV. По улицамъ слона водили, какъ видно на показъ. Извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ, такъ за сломомъ толпы зѣвакъ ходили.

Шуточные вопросы: I. Въ овсѣ колокола звонить не могутъ. II. За столомъ.

Ребусъ № 7. Ми+моторъ+гов+лиса+ха+ромъ+ш+лира+б+очи+е = Мимо торговли сахаромъ шли рабочіе.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Тая и Шура Горлачевы изъ Грайворона. Лиза Цакони изъ Осы,

РЕБУСЪ № 9.

Дора Фейертагъ въ СПБ., Леля Кленова, Боря и Женя Балакины изъ Кургана Тобол. г., Лена и Вѣра Серебрянниковы изъ Ташкента, Сережа Тушканчикъ въ СПБ., Маруся Соколовская изъ Екатеринодара, Женя Стрекоза, Сережа Лисенко изъ Елисаветполя, Митя Ивановъ въ СПБ., Ника Тучкинъ, Коля Шихобаловъ изъ Самары, Петя Сергѣевъ, Сеня Залштейнъ, Сима Кудинова изъ Нижне-Чирской, Саша Киселева, Витя Вальдгеферъ изъ Касимова, Лида и Нюся Дембовскія, Маруся и Ваня Луаковы изъ Пятигорска, Ваня и Валя Пашковскіе, Витикъ Поплавскій изъ Дарь-Надежды, Володя и Вася Смирновы изъ Варшавы, Таня Истомина изъ Тирасполя, Сережа Домрачевъ, Зина Сапожкова изъ Каменца-Подольска, Х. Фишманъ изъ Тульчина, Вася Шелковскій, Константинъ Романенко изъ Гайсина, Шура Амиренская, Володя Снитко изъ Поневѣжа, Аня Антушева изъ Павловскаго Посада, Катя и Лида Дрыгины изъ Ростова на-Дону, Гимназистка Ашхэнъ Султанъ-Шахъ изъ Нахичевани, Юлечка Менделѣва изъ Славянска, Миша Алексѣевъ, Юрикъ Гордѣевъ, Петръ Ванюшинъ, Лизбеттъ изъ Огульцовъ, Галина Гладченко изъ Огульцовъ, Олежикъ Поповъ изъ Биарица (Франція), Ольга, Владиміръ и Николай Закржевскіе изъ Александріи, Володя Поповичъ изъ Горы-Горокъ Могил. губ., Марп Петрова, Патка Курганова, Берта Спивакъ изъ Харькова, Ларя Митрофанова, Тамара и Коля Прозоровы изъ Черни, Нина и Тоня Войчевскіе изъ Саратова, Саша Лаврентьева въ СПБ., Катя Лассавіо, Витя Мельниковъ изъ Берлина (Германія), Кока Нарбутъ, Таня Васяневская изъ Летичева, Жоржъ Ясевичъ изъ Александрополя, Женя Тифферъ въ СПБ., Владиміръ, Евгений и Георгій Конради въ СПБ., Соня Ясевичъ изъ Александрополя, Женя Альянки,

изъ Нахичевани, Леля Васильева со ст. Пинскъ, Роза Рухлевичъ (будущая гимназистка) со ст. Комаровцы, Нина Кочержинская изъ Умани, Тима Асмаевъ изъ Нахичевани, Гордоновъ Александръ, Малафеевъ Михай, Яковлевъ Константинъ и Сотова Софія изъ Астрахани, Клавочка Ващенко изъ Коканда, Женни Мартинсонъ въ СПБ., Сережа Филимоновъ, Петя Андѣевъ, Маруся Соколовская изъ Екатеринодара, Кока, Леля, Вова и Лилия Тервинскіе, Коля и Витя Лебедевы въ СПБ., Муся и Володя Визи въ СПБ., Георгій Трояновичъ-Пиотровский, Миша и Коля Побѣдимовы изъ Петергофа, Катя и Ира Мочанъ изъ Петербурга, Шура Ермольева, Коля Ильинъ въ СПБ., Володя Теремецкій изъ Гатчины, Раиса Головашкина изъ Тифлиса, Коля и Вѣра Бѣлявскіе, Лева Бѣлявскій въ СПБ., Игорь Максимовъ изъ Удѣльной, Соня и Александръ Зайдель изъ Вильны, Елена Абросимова изъ Старой Русы, Вара Пѣвцова изъ Грехмухи, Зоя Торгашева изъ Новаго Оскола, Коля Стечкинъ изъ Симбирска, Вася Крыженко изъ Калуги, Конрадъ Чарноцкій въ Суйдѣ, Коля и Паля Ивановы и Володя Афонасевъ изъ Вытегры, Миша Мерингъ изъ Кіева, Ольга Попель, Галя Ротмистрова изъ Житомира, Коля Становъ, Митя Никольскій изъ Каменской, В. Румшевичъ, Маруся Орсицъ изъ Влодавы, Витя Быстрицкій изъ Царицына, Миша Зиновьевъ, Витя Болтуновъ, В. Фигурская, Зина Синани изъ Харькова, Женя Стрижевскій изъ Кіева, Катя и Шура Блюосовы изъ Грайворона, Андрюша Федотовъ,—донской казачокъ, Борисъ Даѣвановскій, Коля Донецъ изъ Ташкента, Сережа Фохтъ, Тоня Иваницкая изъ Н. Бухары, Соня Безвирганова изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, Нина Шыхѣва изъ Мензелинска, Шура Калачева въ СПБ., Маруся и Георгій Чпаевы изъ Пятигорска, Нина Бегіева изъ Тифлиса.

THE STATE OF NEW YORK
IN SENATE
JANUARY 18, 1892

REPORT OF THE
COMMISSIONERS OF THE LAND OFFICE
IN RESPONSE TO A RESOLUTION
PASSED BY THE SENATE
MAY 18, 1891

ALBANY:
PUBLISHED BY THE STATE PRINTING OFFICE,
1892.

THE STATE OF NEW YORK
IN SENATE
JANUARY 18, 1892

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ рассказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 22, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ КЪ ПАСХѢ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію.

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.